

Пустошинская Ольга Сергеевна

МОЛОДЕЖНАЯ ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ НА ЗАПАДЕ В 40-80-Е ГОДЫ XX ВЕКА: УРОКИ ИСТОРИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/7/10.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 7 (38). С. 45-48. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 930.85

Ольга Сергеевна Пустошинская
Тюменский государственный университет

МОЛОДЕЖНАЯ ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ НА ЗАПАДЕ В 40-80-Е ГОДЫ XX ВЕКА: УРОКИ ИСТОРИИ[©]

Очевидная концептуальная пробельность отечественного политологического знания в области вопросов, касающихся молодежного политического протеста, предопределяет, в первую очередь, выбор аналитической стратегии прикладного уровня. В то же время законы глобального мира, диктующие трансрегиональную зависимость, интегративную стандартизацию и универсализм, позволяют выдвинуть гипотезу о возможности осмысления поднятой проблематики в рамках экстраполяции основных тенденций соответствующего конфронтационного сегмента западного политического процесса на национальное поле аналогичных проявлений. Высказанная однажды А. де Токвилем мысль, содержание которой сводится к тому, что, не имея объекта сравнения, разум не может знать, в каком направлении ему двигаться [1, с. 29], в российских условиях дефицита парадигмальных решений приобретает особый смысл. Возможно, комплементарное использование названного способа позволит минимизировать спектр ошибок в прогнозировании альтернатив будущих состояний российского молодежного политического протеста, каждая из которых может быть актуализирована с определенной степенью вероятности, и стимулирует к выработке адекватных превентивных мер.

Например, обращает на себя внимание парадоксальность ситуации, заключающаяся в том, что всякий раз проявление молодежной радикальной активности на Западе воспринимается как неожиданное чрезвычайное событие не только обществом, но и наукой, обладающей достаточным опытом эмпирического анализа и построения моделей, имеющей в арсенале благодаря регулярно проводимым с конца 40-х гг. XX в. полевым исследованиям богатый экспериментальный материал. Некоторые авторы в качестве базисной презумпции детерминированности выдвигают тезис о сомнительности и спорности предварительно сформулированных суждений и оценок, базирующихся на нерепрезентативных данных [4, S. 31; 11, S. 211]. По их мнению, вследствие давления со стороны официальных заказчиков в лице правительства, партий, средств массовой информации и других агентов, заинтересованных в выводах, гарантирующих обоснование собственных политических и идеологических позиций, исследовательские центры нередко вынуждены использовать тонкие, однако способные существенно повлиять на результаты манипулятивные технологии сбора и обработки информации, такие как нюансы в постановке вопросов, гибкие варианты ответов, отказы респондентов высказывать соображения по тому или иному аспекту.

Политической ловушкой, углубляющей проблему, признается также сопровождаемое наклеиванием ярлыков сужение сложносоставной, разнородной, многохарактерной общности до гомогенного класса «неуверенного поколения» [12, S. 237], «скептического поколения» [10, S. 18] или «поколения непринужденных» [3, S. 355]. Доказательством того факта, что попытки подвести под одно понятие молодежную страту во всей совокупности и постулировать ее единый образ таят в себе опасность стратегического просчета, служит опыт Федеративной Республики Германии, представляющий особый интерес в силу определенного сходства посттоталитарных процессов, переживаемых немецким обществом в 50-70-е гг. XX в. и российским в конце XX - начале XXI столетия. Обращает на себя внимание имплицитный характер зарождения антисистемного движения, однако с каждым этапом претерпевающий качественное изменение в сторону открытости, политизации и усиления. Так, проводимые в послевоенный период исследования позволили характеризовать немецкую молодежь этого времени как разочарованную в идеалах, дезориентированную, изолированную, обремененную чувством неполноценности и беспомощности. В отношении ее гражданской позиции складывалось убеждение об удаленности, цинизме, выжидательной дистанцированности к силам демократии. Делался вывод о кризисе доверия к официальным институтам, партиям и пропаганде, с одной стороны, и глубоко укорененном тоталитарном мышлении, выражающемся в «тоске по сильному лидеру» [11, S. 215-216] - с другой. Хотя признавалось, что существует определенная часть, занятая в партиях, профсоюзах, политических группах высших учебных заведений, однако в силу немногочисленности активного сегмента игнорировалась сама идея о возможности массовой мобилизации и противостояния, несмотря на высокий уровень безработицы и низкий - материального благополучия. С целью изменения ситуации, связанной с безучастностью и отстраненностью молодых людей от публичного участия, государство экспериментировало с многочисленными программами, на одну из которых возлагались особые надежды. Речь шла о молодежных парламентах. Предоставив двадцатилетним возможность для самореализации, власть оказалась неготовой к вдруг обнаружившейся несанкционированной инициативности и нарушающей интересы, а также границы официального взгляда на общественный порядок и приоритеты деятельности активности, в результате чего проект был свернут.

Таким образом, в контексте официального взгляда утверждалась аполитичность и индифферентность послевоенной молодой генерации, вместе с тем рассмотрение ситуации в несколько иной плоскости позволило бы зафиксировать форму пассивного протеста, выступающего предвестником некоей новой контрлегитимности, противостоящей официально представленной на политической сцене законности.

Не послужило поводом для беспокойства и отклоняющееся поведение молодежи, проявившееся в середине 50-х гг. в провокациях полицейских, транспортных блокадах, порче имущества. Эти действия были квалифицированы как нарушающие общественные правила «хулиганские беспорядки» и пресечены силами принудительного воздействия. Внешняя нейтрализация, не устранив базовых причин, способствовала перемещению напряженности в латентную область. В целом, с подачи Г. Шельски молодежь этих лет получила определение «скептическое поколение», а ее отличительной характеристикой названо потребительское отношение к государству, воспринимаемому в качестве предприятия, от которого ожидалась услуга по обеспечению правопорядка, безопасности и заботы о существовании при одновременном отказе от притязаний на сотрудничество и влияния на частную жизнь [10, S. 18]. Проведенные в конце пятидесятых годов опросы выявили повышенный уровень политической осведомленности и критических настроений среди студентов без последствий на предмет политической активности. В результате было обосновано суждение, что немецкая молодежь менее ориентирована на процесс ввода, чем вывода политической системы. Демократия, предоставляющая индивидуальные свободы, находила в ее общей массе одобрение, однако как ежедневно совершаемое политическое действие, производящее впечатление хаотического, разрывающегося борющимися за интересы политическими группами явления, вызывала отторжение [11, S. 219]. Принимаемые в целях упорядочивания общественных отношений в период реставрационной фазы меры, сопровождаемые возвращением авторитарных принципов и консервативных ценностей, значительно сократили свободное пространство самовыражения, но оказались неэффективными в борьбе с попытками молодого поколения заявлять право на увлечение рок-н-ролльной музыкой, на экспериментирование с модой и собственным стилем. В условиях безоговорочного требования следованию общепринятым стандартам и применения изощренных средств дисциплинирования и санкций к нарушителям это был бунт, который ставил под вопрос прежнюю систему жизнедеятельности, что предполагало наличие определенной степени мужества, и который вследствие этого некоторыми авторами сегодня расценивается как имеющий политическое значение феномен. Апофеозом культурного мятежа стало движение «хиппи», участники которого демонстрировали стремление к освобождению от влияния власти. Однако ничто не указывало на зарождение в атмосфере университетов потенциала беспорядков. В первой половине шестидесятых годов В. Блюхер на основе экспериментальных данных дал заключение о большой степени политической информированности и заинтересованности студентов, явном одобрении ими форм демократического правления и проводимого курса, потребности скорейшей интеграции в общество с целью полноправного участия в его офертах, отсутствии процессов развития антиидеологий и, следовательно, поводов к серьезно предполагаемому протесту [3, S. 15, 201]. Одновременно другие аналитики жаловались на слабую готовность молодежи к публичным действиям [6, p. 17]. Спустя некоторое время после этих заявлений в 1968 г. студенческое движение достигло своего пика. В конце семидесятых годов молодежь вновь изображалась как аполитичное, безучастное и приспособленческое поколение - в 1981 г. она попала в центр общественно-политического дискурса, устраивая выступления с применением насилия [12, S. 233]. Этот ряд эклектичной дихотомии можно продолжить.

Трудно не согласиться с мнением К. Васмунда и Ю. Ролеке, утверждающих недопустимость на основе привлекающих внимание форм поведения делать заключение о состоянии политического сознания всей генерации. По словам авторов, молодежь - «не замкнутый блок» [9, S. 319], а «легион индивидов» [11, S. 211], которым присущи отличительные точки зрения и образцы активности, продиктованные номенклатурой социального положения, возраста, пола, уровня образования, профессиональной подготовки и рода деятельности. Думается, что научное видение не теряет валидности в случае двойственного подхода к проблеме. С одной стороны, нельзя игнорировать тот факт, что речь идет об идентичности ровесников, определяющей на базе демографического фактора и опыта включенности в социальное и политическое окружение в духе времени в течение одной из фаз биографии сходства мышления, чувств, стремлений. С другой, необходимо учитывать, что, несмотря на влияние на представителей поколения одних и тех же воздействий и обстоятельств, они в каждом отдельном случае по-разному воспринимаются и обрабатываются, определяя выбор поведенческой линии. Кроме того, нельзя оставлять без внимания немногочисленные, но активные несущие группы, способные формировать гомогенное сознание и управлять им, консолидировать, казалось бы, безучастную и неготовую к экспрессивным проявлениям массу, задавать тональность и направление конфликтного действия. По словам С. Липсета, данные опросов, проведенных в разных странах, свидетельствуют, что значительная часть студентов во всем мире политически пассивна и умеренна во взглядах. Однако для приведения в действие протестных механизмов достаточен тот процент радикально настроенных лиц, которые обладают большим влиянием в студенческом микросоциуме. Тем более, что организовать собранный в одном месте коллектив молодых, энергичных, склонных к героической романтике либо экстремальности и солидарности субъектов, не представляет большого труда [7, p. 18].

Следующим уроком, который преподает история мирового студенческого бунта, является восприятие обществом актов агрессии и неповиновения в чисто юридическом контексте без внимания к проблемам и потребностям молодежи в адекватной включенности в социальные и профессиональные интеракции, праву на собственные культурные и жизненные проекты. Упразднение политико-административной системой ее надежд и стремлений имеет одномоментный поверхностный разрешающий характер, однако резонирует разрушительный эффект впоследствии. Опросная комиссия, созданная Бундестагом для исследования мотивов протеста 1981 г. констатировала, что государство воспринимается молодежью скорее как инструмент подавления, чем институт, который способствует самореализации [12, S. 234]. Как бы ни звучало парадоксально, страх - движущая сила периодически прорывающейся наружу агрессивности. Боязнь будущего и чувство собственного бессилия, безличность в обществе и безразличие со стороны органов, наделенных полномочиями, стимулируют к защитной реакции. В мире, который оставляет неудовлетворенными элементарные физические и эмоциональные потребности, в котором индивид деградирует до безликого, приносящего прибыль фактора производства, насилие является единственным средством выражения безвыходной ситуации и отчаянного душевного состояния. Разочарование в прежних демократической и социалистической моделях политической организации объективирует ориентацию на радикальную перестройку всей структуры, а не реформирование отдельных ее элементов.

Сделанный в девяностых годах Швейцарской комиссией по вопросам молодежи вывод, согласно которому речь идет не о молодежно-специфических, а общественных проблемах, связанных с культурой, политикой и экономикой [Ibidem, S. 235], остается актуальным и для современных политических систем. В качестве пусковых механизмов эскалации протеста выступают как внешнеполитические, так и внутренние факторы. Это могут быть модернизационные сдвиги, детерминирующие технократизацию и колонизацию жизненного пространства, вызывающие разрушение естественных либо привычных условий существования, обуславливающие бюрократизацию политико-управленческого сектора и коммерциализацию отношений. Процессы аномии, порождающей отчуждение, напряженность, и как следствие, девиантное молодежное поведение, активизируются в периоды кризисных явлений, а также условиях смены идеологических парадигм и переоценки ценностей. Стрессорами, определяющими чувство незащищенности и притеснения, выступают властные институты. Призванные формировать консенсусный эквилибризм, снижающий риск разбалансированности взаимодействий между социальными группами, они в то же время служат потенциальным источником дестабилизации. Причина кроется в укорененной схеме предоставления выгод и предпочтений агентам, осуществляющим экономическую и политическую волю, что влечет углубление имущественного и статусного неравенства. Формируется пространство, в котором при конституционно декларируемых всеобщих правах и свободах на практике воздвигаются труднопреодолимые барьеры, существенно ограничивающие участие, затрудняющее мобильность и создающее дискриминационные условия, препятствующие самореализации и достойному материальному существованию. Ведущие к социальной изоляции высокий уровень безработицы и круг нерешенных вопросов, связанных с трудовой иммиграцией, также способствуют распространению настроений недовольства [5, S. 327-328; 10, S. 322-323]. Нередко тема высшего образования приобретает эмоциональное значение. Неравный доступ к его получению, не соответствующая требованиям времени программа обучения, повышенные авторитаризация и дисциплинирование внутривузовских отношений могут служить провоцирующими стимулами к началу действий [2, p. 5-9; 6, p. 353-357].

Таким образом, спектр причин возникновения молодежного протеста, как показывает анализ литературы по поднятой проблеме, не имеет ограничений. Он колеблется в диапазоне от реформ образования до межстрановых военных конфликтов. Генерализация обозначенных переменных предполагает следующую схему: продолжительное разногласие внутри учебной структуры, национальные проблемы, угрожающая внешнеполитическая ситуация, активизация идеологически ориентированных сил и событие-триггер, запускающее процесс. Их слияние в один поток образует энергию, приводящую к взрыву.

Список литературы

1. **Токвиль А.** Демократия в Америке / пер. с франц. Г. Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992.
2. **Blackstone T., Gales K., Hadley R.** Students in conflict L.S.E. in 1967. Bristol: Bristol Typesetting Co. Ltd., 1970.
3. **Blücher V.** Die Generation der Unbefangenen. Zur Soziologie des jungen Menschen heute / unter Mitarb. von Detlef Kantowsky. Düsseldorf / Köln: Hrsg. H. Becker, W. Kienitz, 1966.
4. **Bog I.** Jugendbewegung damals und heute. Proteste, Proteste, Proteste: Dokumentation, Analyse, Kritik. Berlin: Eckart-Verlag Witten und Berlin, 1968.
5. **Degl'Innocenti M.** Arbeitsmarkt, Beschäftigung Jugendlicher und Sozialkonflikte in Italien vom Ende des 19. Jahrhunderts bis zu den 70er Jahren // Jugendprotest und Generationenkonflikt in Europa im 20. Jahrhundert. Düsseldorf: Verlag Neue Gesellschaft GmbH, 1986.
6. **Keniston K.** Youth and dissent. The rise of a new opposition. New York: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1967.
7. **Lipset S. M.** Students and politics in comparative perspective. Students in revolt. Boston: Beacon press, 1967.
8. **Pierenkemper T.** Jugendliche im Arbeitsmarkt - Deutschland seit dem Ende des 19. Jahrhunderts // Jugendprotest und Generationenkonflikt in Europa im 20. Jahrhundert. Düsseldorf: Verlag Neue Gesellschaft GmbH, 1986.
9. **Reulecke J.** Jugendprotest - ein Kennzeichen des 20. Jahrhunderts? // Ibidem.
10. **Schelsky H.** Die skeptische Generation. Frankfurt: Frankfurt-M, 1975.

11. **Wasmund K.** Leitbilder und Aktionsformen Jugendlicher nach dem Zweiten Weltkrieg in Deutschland bis zu den 60er Jahren // Jugendprotest und Generationenkonflikt in Europa im 20. Jahrhundert. Düsseldorf: Verlag Neue Gessellschaft GmbH, 1986.
12. **Weinberger M.-L.** Jugendprotest 1981 // Ibidem.

УДК 929

Борис Евгеньевич Роцин

Костромской государственной университет им Н. А. Некрасова

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ Н. И. БУХАРИНА НА ОРГАНИЗАЦИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА[©]

*Необходимо уничтожение так называемой «свободы труда».
Ибо последняя не мирится с правильно организованным, «плановым» хозяйством
и таким же распределением рабочих сил.*
Н. И. Бухарин

Очевидно, историческое прошлое предопределяет настоящее и (в определенной степени) ориентирует в будущее. Глубокое изучение, объективная оценка и учет исторического опыта позволяют более эффективно решать современные задачи (в т.ч. смягчить острые проблемы), избежать явных ошибок. Процесс правового регулирования социально-трудовой сферы российского общества прошел достаточно самобытный эволюционный путь. Формирование основных институтов отраслевой системы российского трудового права непосредственно связано со сменой «общественно-экономической формации», в результате радикальных революционных преобразований в окт. 1917 г. Незамедлительное построение системы социалистической организации труда российского пролетариата вызвало (обусловило) объективную необходимость создания принципиально новой, самостоятельной (т.е. имеющей предмет и метод правового регулирования) отрасли советского права. Основой формирования системы нового советского права (в т.ч. трудового) явилась соответствующая марксистско-большевистская идеология. И. Я. Киселев отмечал: «Советское трудовое право было рождено в результате коренных революционных преобразований в России после захвата власти большевиками... Советская власть без промедления стала формировать новое трудовое законодательство на основе программных установок и требований РСДРП» [1, с. 29]. Среди государственных деятелей советской формации и партийных теоретиков-идеологов большевизма (в т.ч. «стоявших у руля революции»), оказавших заметное влияние на процесс организации социалистического труда (следовательно, и на генезис отраслевой системы российского трудового права), противоречивая фигура Бухарина не осталась в стороне. Целью данной работы является рассмотрение некоторых основных идей (взглядов) Н. И. Бухарина по вопросам построения новой формы социалистической организации труда, в контексте формирования правовых основ системы советского трудового права, в период 1918-1920 гг. Основой формирования системы социалистической организации труда (и новой системы российского трудового права) стала соответствующая марксистско-большевистская идеология, которая уделяла первостепенное внимание рабочему вопросу. «Во всякой социалистической революции... выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация», - отмечал В. И. Ленин в своей работе «Очередные задачи советской власти» (1918 г.). Создание исторически новой, ранее неизвестной, более прогрессивной (по мнению идеологов большевизма) формы организации соцтруда, осуществлялось в условиях государственной политики, получившей название «военный коммунизм». Эпоха «военного коммунизма» ознаменовалась «красногвардейской атакой на капитал» и имела свои специфические особенности: а) поэтапная (и в то же время достаточно стихийная) национализация (огосударствление) основных средств производства; б) крайне жесткие (императивные) методы государственного управления; в) фактическая отмена товарно-денежного оборота (и попытка замены его натуральным товарообменом); г) централизация государственной власти; д) начало огосударствления российских профсоюзов и т.п. Одним из основных принципов политики «военного коммунизма» стал принцип всеобщей трудовой повинности. «Нам надо заставить работать в новых организационно-государственных рамках. Недостаточно «убрать вон» капиталистов, надо... поставить их на новую государственную службу... Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность являются в руках пролетарского государства... самым могучим средством учета и контроля... Это средство контроля и принуждения к труду сильнее законов конвента и гильотины... Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление. Нам этого мало», - писал В. И. Ленин в своей работе «Удержат ли большевики государственную власть» (сент. 1917 г.). На протяжении первого года становления диктатуры пролетариата (1918 г.) принцип принудительного труда последовательно и неотступно проводился (при помощи ряда нормативно-правовых актов) в жизнь.